

деда принял имя Симеона.⁹¹ Этот Роман-Симеон мог фигурировать в приведенном свидетельстве Иоакимовской летописи как тогдашний номинальный царь вместо фактического правителя Самуила, в то время еще не короновавшегося. Примем ли мы это объяснение или предположим в имени Симеона описку вместо Самуила (может быть, только в цитате у Татищева?), историческая основа самого известия вполне очевидна. При организации русской церкви Владимир должен был искать православных славянских священников на славянском Балкане. т. е. в то время только у Самуила и его охридского патриарха. Этот очевидный факт привел М. Д. Приселкова к предположению, что Владимир, приняв из Византии крещение, не получил от греков обещанной церковной самостоятельности и поэтому обратился к Охридскому патриарху, с благословения которого была основана русская архиепископия.⁹² Но и независимо от этой гипотезы связи русской церкви с тогдашней охридской патриархией априорно встают как очевидный факт.

Это получило прекрасное освещение в статье М. Н. Сперанского.⁹³ Указав на примеры перехода на Русь многих литературных памятников, возникших в охридской школе Климента, он пришел к выводу, что и до-Владимирово христианство, которое несомненно было в первую очередь болгарским, может быть охарактеризовано прежде всего как западноболгарское.⁹⁴ Исторический обзор политических событий на Балканах в последней четверти X в. завершается констатацией, что после разгрома Восточной Болгарии Цимисхием Западная могла стать единственным источником славянского христианства и связанной с ним литературы для Руси.⁹⁵ И действительно, тонкий анализ древнейших русских рукописей Псалтири с толкованиями Афанасия Александрийского — Евгениевых отрывков XI в. и Толстовской Псалтири (ГПБ) конца XI или начала XII в. — показал в их языке несомненные македонизмы (в области носовых, глухих, ятя и йотации), так же как и несомненные следы глаголического оригинала.⁹⁶ Как известно, следы употребления глаголицы на Руси находятя и на монументальных памятниках (Новгородские графиты XI в.), и в ряде рукописей, что уже давно привело И. И. Срезневского, а за ним Е. Ф. Карского к заключению, что русским приходилось часто переписывать с глаголических оригиналов.⁹⁷ Хотя на территории Преславской Болгарии найдены отдельные следы употребления глаголицы (что вполне естественно при факте перехода памятников охридской литературной школы на Восток в пределах общего государства Симеона Великого), все же на Востоке уже с конца IX в. распространялось преимущественно кирилловское

⁹¹ П. А. Лавровский. Исследования о летописи Якимовской. — Ученые записки II Отделения Академии наук, кн. II. СПб., 1856, стр. 147—148; ср.: Б. Ангелов. К вопросу о начале русско-болгарских литературных связей, стр. 137.

⁹² М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913; ср.: А. В. Карташев. Очерки по истории русской церкви, стр. 160—165.

⁹³ М. Н. Сперанский. Откуда идут старейшие памятники русской письменности и литературы. — Slavica, гоґ. VII. Прага, 1928—1929, стр. 516—535.

⁹⁴ Там же, стр. 528—529.

⁹⁵ Там же, стр. 528.

⁹⁶ См. также: Н. П. Гринкова. Евгениевская псалтырь как памятник русской письменности XI в. — ИОРЯС, т. XXIX. Л., 1925, стр. 289 и сл.

⁹⁷ И. И. Срезневский. Следы глаголицы в памятниках X века. — Известия Академии наук, т. VII, 1858, стр. 337—352; Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 211—213; ср.: П. А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма. — Энциклопедия славянской филологии, вып. IV, 1. Пгр., 1915, стр. 5.